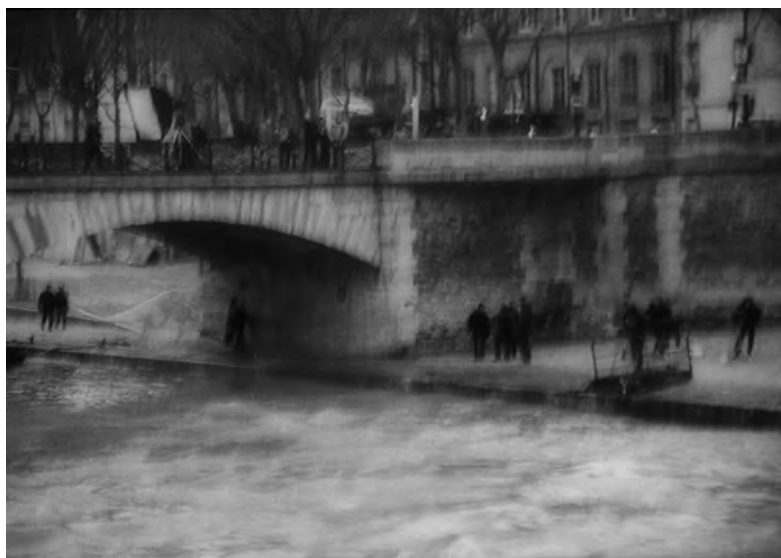

**ИРОНИЧЕСКИЕ
ЗАРИСОВКИ**

* * *

Простая девочка из Староконстантинова,
Написано ей было на роду
Пройти свой путь от платяца сатинового
До Люксембургской статуи в саду.
А после незатейливо и просто
Представить красоту французских крыш,
Вернуться снова в тихий город Бостон,
Сказав себе:
я видела Париж!

* * *

Моей жизни запутанных ниток клубок... Я смотрю не вперёд, не назад и не вбок: жалко выбросить — глупо хранить. Но стираю я морось с увядшей щеки, и вяжу на прогнивших местах узелки, и тяну пожелтевшую нить...

* * *

Когда нас смех опустошит,
А слёз уж нет давно,
И мысль пристрастьем не грешит,
Одно лишь нам дано:

Берём постылый карандаш —
В хитросплетенье слов
Нам открывается мираж,
Основа всех основ.

Давно забыв о жизни той,
Стряхнули прах с одежд...
Но тяжек ныне груз пустой
Несбывшихся надежд.

* * *

Взмывали раньше в вираже крутом, где каждый нерв
был оголён и взвинчен, но всё ушло из памяти, и нынче
грызём мы удила беззубым ртом.

ШВЕЯ

Глаза от старости опухли —
Им нет покоя.
Латаю жизнь свою на кухне
Иглой тупою.
Латаю жизнь свою ночами,
А оглянуться —
Опять прореху замечаю,
И нитки рвутся.
Давно пошла бы спать, отчаясь,
Швея херова,
Но, от бессилия качаясь,
Латаю снова.

* * *

Мне кажется, что это не со мной:
В бессмысленных делах и суете,
Другая девочка, прожив мой путь земной,
К заветной подошла черте.

Другая женщина (а может быть, и я)
Стоит в окне, бездумна и печальна,
И где-то выпала страничка изначально
Из древней её книги бытия.

* * *

Глаза по-прежнему косят, но я хочу тебе признаться:
то, что мне важно было в двадцать, уже не важно в
шестьдесят. Мирские чувства я глушу, уходят фобии и
страхи; на рукаве ночной рубахи «Счастливой старости!»
пишу.

* * *

По гороскопу Лев, но с мордой человеческой —
Ваяние великого Творца, —
Покорно поджимаю хвост овечий
И мыслю робко, как овца.

* * *

Кошельки опустели, притихла душа, и, хоть с виду
мы очень бодры, на ушах лишь свисает, подсохнув,
лапша, на которую дети щедры.

* * *

Мне давно уж ничего не хочется,
Я лежу над пропастью во ржи.
Безысходность, возраст одиночества,
Маска лжи...

* * *

Когда это было, куда это делось — голодная юность
и сытая зрелость, и времени бремя, в котором осталась
обрывками памяти зябкая старость.

ДОРОЖНАЯ

Как обычно — перекрёсток трёх дорог.
Как привычно выбираем мы не ту,
И ведёт по ней упрямый рок
До конца, пока не вмоготу.

Как печально понимать самой:
Время вспять уже не повернуть...
Изначально нужно по прямой,
Но привычно удлиняешь путь.

Только вот уж скоро близок срок
Подвести последнюю черту,
А под нею — грустный мой итог
И вина, что выбрала — не ту.

* * *

Маршрут несложен: понедельник–пятница; трамвай, работа, магазин и дом. И прошлое назад тихонько пятится, и помнится вчерашнее с трудом. Нет ничего грустней и бесполезней недоуменья на чужом лице, когда стихи — история болезни с расплывчатым диагнозом в конце.

ПОЭТ И ПРОЗАК

Смотрю я внутрь себя бесстрастным взглядом
(Пристрастием давно уж не грешу):
Поэт и прозаик — это где-то рядом:
Сначала — прозаик, а потом пишу.

* * *

Бене

Стирая грань
Между реальностью и снами,
Я слышу голос мужа: «Не гневи:
Всё будет хорошо,
Только не с нами.
Прими это как данность —
И живи».

Когда покой
Сметается смятеньем,
И трудно удержаться на плаву,
Я слышу рядом
Мудрый голос Бени:
«Прими это как данность».
И — живу.

* * *

Ещё стоять могу пока,
Но чувство злобы гложет,
Что к старости дрожит рука
И взять стакан не может.

ПРЕДОТЪЕЗДНОЕ

Жизнь сермяжная, жизнь посконная,
Жизнь без изысков, без затей:
На плече — полотенце кухонное,
За плечами — двое детей...

Хорошо бы поставить точку,
Зелье бесово заварить
И из камеры-одиночки
Дверь на улицу отворить

И, оставив свой след неброский,
Заменить на метлу карандаш,
Чтоб, подобно булгаковской тёзке,
Полететь на весенний шабаш.